DOI: 10.17117/na.2016.03.04.315

<http://ucom.ru/doc/na.2016.03.04.315.pdf>

Поступила (Received): 24.03.2016

Овчинникова О.А. Иностранные заимствования во французском арго конца XX века

Ovchinnikova O.A.
Foreign borrowings in the French argot at
the end of the 20th century

Арго находится в процессе постоянного формирования, причем в отличие от общенационального языка этот процесс носит интенсивный характер и охватывает значительную часть лексического фонда. В конце XX века одним из самых продуктивных способов образования новых арготизмов являются иностранные заимствования

Ключевые слова: арго, словообразование, механизм формирования арготического вокабуляра, иностранное заимствование

Argot is in the process of constant formation, and unlike national language, this process has an intensive character and covers a considerable part of the lexical fund. At the end of the XX century one of the most productive source of forming new slang words are foreign borrowings

Key words: argo, word formation, the mechanism of formation of slang vocabulary, foreign borrowing

Овчинникова Ольга Алексеевна

Кандидат филологических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при президенте РФ
г. Брянск, ул. Горького, 18

Ovchinnikova Olga Alexeevna

Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor
Russian presidential academy of national economy
and public administration
Bryansk, Gorkiy st., 18

Французское арго, как и прочие пласты субстандартной лексики других языков, представляет собой вокабуляр, который в большинстве случаев берет за основу лексику из общенационального репертуара и изменяет её почти до неузнаваемости путём интенсивного использования всего арсенала словообразовательных средств языка [2, с. 11]. Однако как показало наше исследование словообразовательной системы французского аргю 80-90 гг. XX века, арготирующие с большим удовольствием экспериментируют и с иностранными словами, заимствуют из других языков лексические единицы и подвергают их всевозможным трансформациям. Анализ более 2 000 арготизмов, относящихся к интересующему нас периоду, показал, что 17 % лексических единиц имеют заимствованный характер [5, с. 276].

В ходе исследования вокабуляра французского аргю конца XX века мы проанализировали способ освоения заимствованных слов и условно выделили две группы.

К первой группе мы отнесли случаи, когда заимствование иностранного слова прошло без изменения его значения. От общего количества заимствований во французское аргю исследуемого периода доля лексических единиц, входящих в эту группу, составляет около 30 %.

Причем меньшая часть слов перешла из других языков без изменения фонетического облика (11 %), например: *destroy* [destrɛj] *n.m.* (от англ. *destroy*) → разрушать; *racket* [raket] *n.m.* (от англ. *racket*) → рэкет, вымогательство денег; *tchao/ciao interj.* (от итал. *tchao*) → до свидания, пока. В то время как заимствований с изменением фонетического облика слова несколько больше (19 %). Причем чаще всего случаев речь идёт не об адаптации лексических единиц к фонетическому строю французского языка, а о намеренном видоизменении внешнего облика слов: *caïd n.m.* (от араб. *qâ-id*) → начальник, шеф; *naze n.m.* (от итал. *naso*) → нос; *sbire n.m.* (от итал. *sbirro*) → полицейский, надзиратель в тюрьме.

Ко второй группе лексических единиц (70 %) мы отнесли лексические единицы, которые появились в вокабуляре в результате заимствования иностранного слова для специфически арготического значения. В этом случае изменению подвергается как семантика слова, так и его фонетическая форма, что даёт выход игровой энергии арготирующих [4, с. 250], поскольку они получают лексическую единицу с необходимым значением, которая к тому же обладает причудливой, не характерной для французского языка фонетической формой.

Поскольку для арготирующих свойственно сочетать различные механизмы образования новой лексики, то довольно часто вместе с заимствования происходит своего рода метафоризация или метонимизация значения иностранного слова. В процессе адаптации лексической единицы ее фонетический облик может остаться без изменений (23 % случаев): *polka* [polka] *n.f.* (от польск. *polka* – “танец”) → поведение проститутки в присутствии сутенёра; *rocker* [rockoer] *n.m.* (от англ. *rocker* – “рок музыкант”) → молодой человек, который носит кожаную одежду; *squatter* [skwotə] *v.* (от англ. *squatter* – “сидеть на корточках”) → жить в квартире без мебели. Однако гораздо чаще арготирующие выплескивают свою людическую энергию и не только меняют значение иностранного слова, но и играют с его фонетическим обликом (47 % случаев): *escrache n.f.* (от итал. *scarasio* – “билет”) → ругательство; *manouche n.m.* (от цыг. *manus* – “человек”) → цыганский язык; *piasoué(e) n.* (от вьетнам. *piah-koué* – “крестьянин”) → вьетнамец, любой азиат.

При анализе состава иностранных языков, предоставляющих французскому аргю свои лексические единицы, уместно привести образное выражение В.С. Елистратова – “вавилонское столпотворение” [3, с. 231].

Так, в 80-90 гг. XX века заимствования во французском аргю осуществлялись из английского, немецкого, итальянского, цыганского, испанского, арабского, турецкого, японского, вьетнамского, польского, румынского и русского языков.

Наиболее активно происходит процесс заимствования из английского языка и его американского варианта (34 %): *bifteck n.m.* (от англ. *bifteck* – “бифштекс”) → любая пища; *black n.* (от англ. *black* – “черный цвет”) → человек негроидной расы; *fun n.m.* (от англ. *fun* – “шутка, веселье”) → забавный человек. Такая

востребованность английских и американских слов обусловлена тем, что этот язык довольно распространён в мире и арготирующим понятна их семантика. Произнесение таких слов не составляет труда для арготирующих, поэтому эти лексические единицы редко подвергаются фонетической адаптации и в данном случае гораздо чаще наблюдается игра с семантикой.

Анализируя заимствованные лексемы, мы обратили внимание на существование так называемых псевдоанглицизмов. Это слова, которые на первый взгляд кажутся английскими или американскими, но на самом деле в языке-доноре не существует: *décrassing* – *room n.m.* (*dé* + *crasse* (в арго “грязь”) + *-ing* (индикация процесса) + *room* (комната)) → туалет; *grilling n.m.* (*gril* (гриль) + *-ing* (индикация процесса)) → допрос в полиции.

Во Франции довольно большой процент населения имеет арабские корни, поэтому использование арабского (в первую очередь его алжирского варианта) наравне с французским является привычным явлением. Эта особенность национального состава Франции не могла не сказаться на языке, поэтому особое место среди языков-доноров для арготического вокабуляра занимает арабский язык (16 %). Однако слова, заимствованные из этого языка, чаще всего подвергаются адаптации к фонетическому строю французского языка. Семантика этих слов вполне понятна франкофонам, однако арготирующих привлекает именно причудливость их звучания: *baraka n.f.* (от араб. *baraka* – “благословение”) → уникальная возможность; *bled n.m.* (от алжир. араб. *blad* – “почва, земля”) → изолированная местность; *gourbi n.m.* (от алжир. араб. *gurbi* – “землянка”) → жилище в плохом состоянии.

У Франции продолжительные дружеские и деловые отношения с Италией, Испанией, Германией и другими европейскими странами. Граждане Франции уезжают на работу в соседние страны, и наоборот. Жителям приграничных территорий присущ билингвизм, что обуславливает взаимопроникновение языков. Так во французское арго исследуемого периода мы обнаружили довольно много заимствований из итальянского языка (14 %): *banco n.m.* (от итал. *banco* – “прилавок, стойка”) → ящик кассы, выигрыш; *basta interj.* (от итал. *basta* – “достаточно”) → хватит, довольно; *patraque n.f.* (от итал. *patrassa* – “мелкая монета”) → плохо работающий механизм или машина.

А вот лексических единиц из других европейских языков оказалось существенно меньше. Из немецкого пришло около 7 % лексики, например: *bacchantes n.f.pl.* (от нем. *Bache* – “длинные усы”) → бакенбарды, усы; *gastos n.m.* (от нем. *Gasthaus* – “постоялый дом, гостиница”) → быстро, кафе; *fifrelin n.m.* (от нем. *Pfifferling* – “малостоящая вещь, монета”) → обесценившаяся вещь.

Следующее место по удельному весу занимают испанские слова (6 %): *naba adv.* (от исп. *naba* – “ничего”) → ничего; *cabot n.m.* (от исп. *cabo d'escuadra* – “адмирал”) → капрал; *vista n.f.* (от исп. *vista* – “зрение”) → видение ситуации. На остальные

Особняком стоит цыганский язык (5 %), лексические единицы которого известны по всему миру, что является следствием тесного общения с этим кочевым народом. Во французском арго также довольно много заимствований из этого языка, при этом лексемы в основном имеют отношение к правонарушениям, кражам, обману и правоохранительным органам: *bédi n.m.* (от цыг. *bédi*) →

жандарм, полицейский; *carouble n.f.* (от цыг. *carruta*) → ключ, отмычка; *lové n.m.* (от цыг. *lové*) → деньги, монета.

Конечно, заимствование идёт не только из ранее названных языков. Но в ходе исследования мы встретили всего по одной лексеме из польского, румынского, турецкого, японского, русского и др. В общей сложности эти заимствования составляют 7% от всех лексических единиц.

Интересен тот факт, что французское аргю заимствует лексемы не только из ныне существующих языков, но обращается и к «мёртвым». В основном это обращение к праязыку – латинскому языку (5 %): *arche n.f.* (от лат. *arca* – “сундук, ларец”) → сейф; *baille n.f.* (от лат. *baiula* – “несущая на себе”) → плохой корабль; *fuser v.i.* (от лат. *fundere* – “таять, растворяться”) → уйти не заплатив.

Кроме того стоит отметить, что заимствование во французское аргю идёт не только из общенационального варианта других языков, но и из соответствующих социолектов (6 %). В ходе анализа эмпирической базы мы обнаружили лексемы сленгового происхождения (*bob n.m.* → купюра в 1 доллар; *junkie n.* → человек под влиянием наркотиков), слова из итальянского аргю (*balourd adj.* (в итал. аргю *balourd* – “сумасшедший”) → поддельные деньги или документы; *four-line n.f.* (в итал. аргю *forcellina* – “вилка”) → вор-карманник) и всего одно слово, заимствованное из немецкого аргю (*régrenne n.f.* (в нем. аргю *peger* – “больной”) → голодный, нищий).

Итак, анализ французского аргю конца XX века показал, что процесс заимствования лексических единиц в субстандарт несколько отличается от подобного процесса в общенациональном языке. Особенности арготического заимствования проявляются как в его целях, так и в ходе адаптации иностранных лексических единиц. Заимствование в аргю происходит не из-за практической необходимости в новых лексических единицах для устранения лакун в языке, а для реализации стремления к словотворчеству. Что касается обработки лексических единиц, то в ходе заимствования в аргю иностранные слова подвергаются более сложной обработке, нежели в общенациональном языке.

Список используемых источников:

1. Береговская Э.М. Молодёжный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. М. 1996. № 3. С. 32-41.
2. Береговская Э.М. Механизмы, формирующие французское аргю // Проблемы социального разноречия. Смоленск, 1995. С. 11-19.
3. Елистратов В.С. Как лингвисты жаргон опять по зонам рассадили // Знамя. 2006. №6. С. 231-233.
4. Овчинникова О.А. Картина мира во французском аргю 80-90гг. XX века // Французская арготология в России: коллективная монография. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2011. С. 233-254.
5. Овчинникова О.А. Словообразовательная система французского аргю 80-90 гг. XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена № 35 (76) СПб, 2008. С. 272-277.